

Саша Чёрный

Черт на свободе

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Черт на свободе

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986829

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Золотые пылинки солнца танцевали на высоких крышах вилл, на купальных будках, на голых детских спинках, на ржавой коробке из-под сардинок, которая валялась на песчаном бугре под тростником. И такое оно крепкое было, это июльское солнце, так сверкало, переливалось, искрилось, что только в темных очках можно было разгуливать по ослепительно светлому пляжу...»

Содержание

I. Бретонский курорт	4
II. Бухгалтер, который брился	7
III. Девочка и неизвестно кто	11
IV. Скандал в столовой	14
V. Разговор в «Медном якоря»	19
VI. Черная лапа	23
VII. Черт в чепчике	28
VIII. Представление на сосне	32
IX. Черт возвращается в цирк	37

Саша Чёрный

Черт на свободе

I. Бретонский курорт

Золотые пылинки солнца танцевали на высоких крышах вилл, на купальных будках, на голых детских спинках, на ржавой коробке из-под сардинок, которая валялась на песчаном бугре под тростником. И такое оно крепкое было, это июльское солнце, так сверкало, переливалось, искрилось, что только в темных очках можно было разгуливать по ослепительно светлому пляжу. Одни лишь дети и собаки не боялись солнца, и даже старый бульдог, на которого маленький мальчик примерял валявшиеся на песке теткины очки, упрямо сбрасывал их лапой наземь.

Был час отлива. Океан убрался далеко за маяк. Вдоль извилистых борозд песчаного дна синели лужицы. Взрослые и дети разрывали граблями песок, добывали съедобные, кремовые ракушки и бросали добычу в плетеные корзиночки. И когда какой-нибудь нетерпеливый мальчуган вскрывал зубчатую ракушку ножом, из створок показывался дрожащий оранжевый язычок.

Подальше по ноздреватым рифам, торчащим над травянистым дном, бродили босоногие люди и собирали «мули» —

простые, черные устрицы.

Красный маяк торчал вдали гигантским наперстком. Яхты, словно пьянчужки, лежали на боку, уткнувши длинные кили в песок: они без воды не умели стоять прямо.

На берегу, уходившем песчаным лукоморьем вдаль, копошилась детвора – лепила, строила, рыла, весело и звонко пищала. В воздухе трещали на крепких нитках разноцветные змеи: змей – бабочкой, змей – птицей, змей – этажеркой, змей – колбасой.

Собаки мчались от детей к будкам, от будок к детям. Лаяли – сообщали взрослым, что дети на месте, играют, «ужмы за ними присматриваем»... Лаяли – сообщали детям, что взрослые тут, никуда не ушли, играйте, мол, спокойно.

Фотограф снимал группу за группой в картонном пароходе с дымящейся трубой (дым был тоже картонный), и все пассажиры улыбались и смотрели прямо в аппарат, потому что каждый хотел выйти красивым и симпатичным.

Из песка прыгали вбок какие-то жизнерадостные безвредные сороконожки. Над бледно-зеленым морским хреном реяла на одном месте хрустальная стрекоза. А под хреном божьи коровки устроили клуб: сползлись на спичечную коробку головами в середину и грелись.

На молу толстый большой человек вытащил из воды сетку с одной креветкой и внимательно смотрел, как она выплясывала по дну сетки морскую мазурку.

Ветер носился сквозь решетку отельного парка к океану и

назад, шелестел в лохматой лиственнице, относил вбок змеиную колбасу, рвал из рук синеглазой девочки пестрый платочек, но девочка крепко его держала и улыбалась.

И доброе солнце, словно приветливый курортный хозяин, сияло на всех с высоты.

II. Бухгалтер, который брился

В пансионе «Жемчужная Раковина» окна выходили на широкий океан. Веселый ветер влетал в комнаты, трепал занавески и звал пансионеров на берег. Успеете в городе насидеться в комнатах! Солнце сияет, валяйтесь на песке, бегайте вперегонку с собаками, катайтесь на велосипеде, покупайте в киосках бесполезные пресс-папье и сладкие сосульки, но не сидите, как пауки, по углам, – это вредно и скучно! Здесь вам не контора, здесь вам не школа, здесь вам не салон!

Всех соблазнил ветер, только во втором этаже у открытого окна, перед которым рос старый платан, сидел француз и завязывал вокруг шеи мохнатое полотенце. Он не мог уйти со всеми гулять, он должен был побриться.

Почему он не побрился утром? Видите ли, хотя он и был бухгалтер, приехавший на две недели в гости к океану, однако и бухгалтеру приятно хоть две недели в году не быть аккуратным – попозже вставать, сидеть у окна в кресле, покуривая трубку...

А потом вдруг посмотрел в зеркало: фи! весь подбородок чертополохом оброс... Очень он быстро на свежем воздухе обрастает. И через час обед, а к обеду, кто ж этого не знает, надо выходить гладким-прегладким. Как абрикос, присыпанный пудрой.

Перед бухгалтером была расставлена на столе целая ла-

лаборатория: одеколон, мыльница, пудреница, кисточка, безопасная бритва, опасный клинок, прозрачный камень для притирания, щипчики для вырывания из уха волос, английский пластырь и еще разные другие штучки, которых мы и названия не знаем.

С чувством, с толком и с расстановкой развел он мыло, покрыл душистыми мыльными сливками пухлые щеки и подбородок. Подпер языком правую щечку, с элегантностью фокусника пробрил бритвой гладкую дорожку, вскочил, бросил бритву на блюдечко и побежал к камину.

В городе он брился в один прием, но здесь ветер задорно дул в лицо, в небе плыли легкомысленные тучки, внизу на пляже оглушительно кричали дети... Впереди свободный, океанский день... Нет! Бухгалтер тоже хотел поиграть, и так как в комнате никого не было, он стал выделывать перед каминным зеркалом такие курбеты, такие па, такие гримасы, что мухи в ужасе разлетелись с каминной доски во все стороны. Пояс на животе скрипел, легкий пиджачок, взметнув рукавами, полетел на диван, бухгалтер вошел в азарт, ничего не видел, ничего не слышал.

Уф! Он остановился, грациозно поднял с паркета выскочившую запонку и направился к столу. Нельзя же, чтобы одна щека была как атлас, а другая как терка...

Подошел к столу... и ахнул. Пудреница валялась на полу, лаборатория на столе – вверх дном... И самое главное, самое-самое ужасное и главное: кисточка и безопасная бритва

исчезли!

Ветер? Но стальная бритва и кисточка с тяжелой черепаховой ножкой по воздуху не летают. Ведь письмо от племянника и счет от прачки на столе, а они – бумажные... И увесистую никелевую пудреницу тоже не так просто сдуть на пол...

Он выглянул за окно – в саду никого. Заглянул под стол – никого. Под кроватью – никого. Высунул быстро нос в коридор – никого!

Тогда он стал звонить: один короткий звонок, два коротких, три коротких, один – бесконечный.

Прибежал желтоволосый коридорный мальчик, остроносая горничная, хромой старый лакей и сама хозяйка с салатником в руках, похожая на тыкву на высоких каблучках, завернутую в лиловое кимоно.

Никогда еще ни один постоялец не давал сразу столько условных звонков. Что случилось?!

Бухгалтер как бешеный налетел на весь персонал, вставить слова никому не позволил.

– Безобразие! Спиритические сеансы среди бела дня!.. Одна половина – бритая, другая – силь ву пле!.. Как я выйду к обеду? Чтоб сейчас же были на месте и бритва и кисточка! Это фамильная кисточка, чистый барсучий волос, на черепаховой ножке серебряный герб! Чтоб нашлись! Сейчас же пропечатаю в курортной газете!

И все ахали, охали, лазили под стол, стучались головами,

заглядывали под диван и в камин, чихали, но ничего не нашли...

Мыльная пена на левой щеке бухгалтера тем временем высохла, сквозной ветер сдул ее и, как легкое облачко, закружил по паркету, но взволнованный бухгалтер даже и не заметил этого.

III. Девочка и неизвестно кто

Рядом с «Жемчужной Раковиной» грелась на солнце сияющая вилла «Чайка».

Балкон густо зарос глициниями, так густо, что мохнатый шмель, забравшийся в чашу светло-зеленых веток, сердито гудел и никак не мог выбраться оттуда. Воробей присел на перила и удивленно склонил голову набок: где гудит? Кто гудит?..

Дама в васильковом халатике покачивалась в качалке в своей спальне и прислушивалась. С кем это разговаривает на балконе ее дочка, маленькая Фло? Должно быть, сын прачки, пятилетний Жорж, пришел к Фло в гости... Он всегда так проскользнет в дверь, что и не заметишь. Как пушинка на сквозном ветру.

Фло, тихая и добрая девочка, должно быть, показывала ему свои игрушки.

– Вот это паяц. Он может сидеть и может лежать. А стоять не может, потому что у него мягкие ножки. Не бери, пожалуйста, стеклянных шариков в рот, это очень опасно. Один мальчик проглотил и потом всю жизнь кашлял. Выплюнь, пожалуйста... Зачем ты держишь картинку кверху ногами?

– С кем ты там разговариваешь, Фло? С Жоржем? Пришли его ко мне, я ему дам орехового печенья...

Но Фло, должно быть, не расслышала и продолжала ожив-

ленно болтать:

– Ах, какой ты непослушный! Раскрой ручку, что у тебя там такое? Да раскрой же! Кисточка? О, какая хорошенькая... Дай мне, я тебе плюшевую собачку подарю за это. Спасибо. Да ты мамину туфлю не соси, пожалуйста, что это за манеры такие...

Дама рассмеялась.

– Что ты, Фло, болтаешь такое? Неужели Жорж мою туфлю сосать станет...

Но Фло обиженно ответила с балкона:

– Ну конечно, сосет. Вот я его сейчас приведу, ты увидишь. И вовсе он не Жорж, а другой... Пойдем к маме! Вставай. Что же ты упираешься, глупый? У меня мама добрая, и раз ты пришел в дом, надо познакомиться с мамой. Фи, какой невоспитанный!

«Вечно эта Фло что-нибудь такое придумает, – подумала дама, закрывая глаза. – Совсем затормошит мальчишку...»

На подоконник присел воробей. О! Дама заснула и уронила ореховое печенье. Боком-боком, осторожно подобрался к бисквиту и только хотел клюнуть – на балконе раздался отчаянный визг. Воробей с разгону налетел на зеркало, оттуда наскочил на умывальник, зачерпнул крылом воды и кубарем за окно.

Дама широко раскрыла глаза... Кто там кричит на балконе? Фло? Уж не Жорж ли ее обидел? Да ведь он каплюшка, перед кошкой и то робеет...

– Отдай мишку, слышишь! Зачем ты ему ручки выворачиваешь? Гадкий! Не хочу с тобой играть... Отдай мишку! Он разорвал мишкину блузку! В мелкие кусочки... Мама! Он похищает, похищает ми... Мама!

Дама побежала на балкон. Господи, целый месяц играли, никогда ссор не было...

Посреди балкона стояла маленькая Фло, топотала ножками в красных туфельках, грозила кулачком разросшейся над балконом глицинии и тоненько визжала, обливаясь слезами. Больше на балконе никого не было.

– Что такое? Кто отнял мишку? Где Жорж?..

Девочка еще сильнее затопотала ножками, но ни одного слова сказать не могла, слезы мешали, и только покрутила во все стороны бантом.

– Не Жорж? Ничего не понимаю! Откуда у тебя эта кисточка?! Кисточка для бритья, с монограммой... Да успокойся же. Фло, скажи мне, кто здесь был, с кем ты разговаривала? Фло?

Но в это мгновение над их головами в глицинии что-то зашумело-зашуршало, и вдруг с крыши пролетела мимо перил черепица и гулко хлопнулась вниз о плиты подъезда. Дама дико вскрикнула, схватила плачущую девочку за руку и втащила ее в комнату.

IV. Скандал в столовой

Пансионская кошка вышла с веранды в столовую «Жемчужной Раковины» и умильно посмотрела на длинный стол. Чистота какая! Вдоль всего стола свежая, накрахмаленная простыня (кошка не знала, что простыня и скатерть не одно и то же)... Салфетки, как сахар, – стоят горками между приборами... Неужели люди решатся такую красоту измять и скомкать? Цветочки в граненых столбиках: розовая гвоздика, лимонного цвета мимоза, и в больших вазах сухие сиреневые цветочки, что растут вдоль тощих полей, откуда морскую соль добывают. Кошке все ведь известно.

А тарелочек сколько! Сегодня, должно быть, парадный обед. Приехали туристы в тяжелом многоместном автомобиле, залопотали между собой на каком-то неизвестном кошке языке и все сразу в пансион ввалились. Поэтому и стол убрали, как невесту к венцу.

Любопытный зверек уже и на кухне успел не раз побывать. Но сегодня с ним обходились не очень приветливо, – даже у всех ног потереться не дали, – туристские деньги, видно, дороже кошачьих реверансов. И что готовили, не успела кошка толком узнать. Судомойка на нее с тарелками налетела, чуть не перевернулась... Повар по лбу хватил ложкой с соусом-провансалем, глаза залепил, полчаса на веранде потом отмывалась.

Между графинами на столе стояли лакированные куколки-негры и держали в вытянутых руках меню. Кошка бесшумно вскочила на стул, уперлась лапками о тарелку и с любопытством потянулась к меню: надо же прочесть, что сегодня на обед. Консоме... какой они в этих консоме вкус находят? Ого! Рыба...

Но вдруг за стеной кто-то сплюнул, чихнул, задвигал каминным экраном. Кошка быстро обернулась – не очень-то ей позволяли перед накрытым столом по стульям разгуливать... Обернулась, взлетела орлом на спинку стула и таким горбатым верблюдом выгнула туловище, точно из камина трехголовый бульдог появился... Каждый волосок на спине встал торчком, глаза выкатились и остолбенели, склоненная морда тихо зашипела, словно бомба, готовая взорваться.

Сидевший на веранде приезжий, старичок в полосатой кофте, сначала было подумал, что кто-то из столовой футбольный мяч ногой выбил. Но потом всмотрелся: кошка. Чего это она так испугалась?

Солнце сквозь плющ светлые пятна по цементу раскинуло. Ветер встряхивал плющ, пятна шевелились. На мачте болтался черный флаг: прилив. Океан такой добрый, такой ленивенький. Поблескивает на солнце, словно рыба в неводе... Старичок глубже вдвинулся в плетеное кресло, скрестил на груди полосатые ручки и прислушался... Океан шипит или это в животе предобеденный органчик бурчит? Или это в столовой хозяйка пульверизатором брызжет?.. Или...

Дзынь! Трах-тарарах-трах!!

Землетрясение в столовой?! Потолок обвалился?! Корова в окно вскочила?!

Полосатый старичок вбежал в одну дверь, хозяйка со щипцами для завивки – в другую, взволнованная прислуга – в третью, взволнованная пансионская собака – в четвертую.

Со дня основания «Жемчужной Раковины» ни одна душа еще не видала в ее столовой такого зрелища. Два стула, легкомысленно задрав ножки, лежали на полу. Осколки разбитого графина купались в луже воды, змейками расплывавшейся по паркету. Стеклопобитая пробка отлетела к самому порогу – грош ей цена без графина! Из-под стула торчал пучок мимозы, переломанный и взлохмаченный, словно его кто-то драл зубами... А на скатерти, на белой, цвета альпийского снега скатерти грубо чернели темные следы, точно озорной мальчишка-трубочист по скатерти на руках прошелся. И в центре стола перед меню валялась выпачканная в саже розовая подвязка и полосатые детские купальные штанишки.

Все, выпучив глаза, изумленно смотрели друг на друга. Только пансионный пес спохватился и, как опытный собачий Шерлок Холмс, тыкал морду в камин, под стол, лаял на подвязку, на пробку, прыгал на полосатого старичка и вообще вел себя как заправский дурак.

– Кошка?! – хрипло выдавила из себя хозяйка, вцепившись растопыренными пальцами в спинку стула.

Но старичок в полосатой кофте возмутился:

– Нет! Кошка сама еще до этой штуки насмерть перепугалась и вылетела из столовой, точно ее хотели на шомпол посадить. Вон, взгляните в окно, она сидит под кустом и скромно ест стрекозу. Лапки беленькие... А ведь тут по скатерти угольщик разгуливал!

– Притом же, сударыня, – добавил старший лакей, – насколько мне известно, а мне пятьдесят девятый год, кошки никогда не кладут на стол предметов женского и детского туалета.

– И неграм голов они тоже не отгрызают, – задумчиво сказала горничная, рассматривая валявшуюся на скатерти голову куколки-негра и разорванное в клочки меню.

В портъере показался любопытный нос бухгалтера, того самого, у которого так таинственно исчезла кисточка для бритья и бритва.

Хозяйка пришла в себя и решительно хлопнула себя по атласным бокам. Капитан ведь не должен никогда терять головы! Разве она в пансионе не капитан? Бухгалтер сунул нос, в коридоре захлопали двери, не дай бог все постояльцы сюда прибегут, – прощай парадный обед!

– Ничего, ничего... Ласточка, верно, в окно залетела, опрокинула на пол рюмку... Есть о чем беспокоиться!

Глазами, локтями, коленками продирижировала направо и налево, разослала кого за новой скатертью, кого за метлой. Бухгалтеру сказала, что его давно в саду верхняя жилища ищет.

Минут через пять все было в порядке. Новая скатерть сияла, как новорожденная утренняя тучка, лужу на полу вытерли и матовое пятно загладили мастикой, из буфета достали нового негра и вставили в лапу меню. Подвязку в саже и купальные штанишки сунули за буфет, чтоб потом, когда придет полицейский сержант, было ему что рассматривать.

А у дверей, пока не прогудит обеденный гонг, поставили на страже судомойку. Для наблюдения. Может быть, это хозяйка соседнего пансиона «Лунный Луч», ради конкуренции, наняла какого-нибудь мальчишку, чтобы он факирские гадости устраивал. Не черт же среди бела дня по белой скатерти разгуливает.

Строго приказали судомойке: «Чуть что, бросайся на него, хватай за грудь и кричи... А мы все сбежимся, и...» Хозяйка сжала в мускулистой ручке большие каминные щипцы и свирепо помахала ими в воздухе.

Бедная судомойка осталась одна. Висморкалась в похотий на кухонное полотенце платок и решила твердо: чуть-чуть начнется, – бог с ним, с местом! – через весь курорт пулей помчится за мост в местечко к своей старой тетке... Если у куколки-негра голову оторвут, ничего, – в буфете еще три запасные фигурки. А если *это* вылезет из камина и на нее бросится?

«Убегу! Честное слово мое, убегу!..»

V. Разговор в «Медном якор»

Вдоль канала выстроились в ряд курортные ларьки. Торговля совсем детская, совсем несерьезная: толстяк кондитер месил на глазах у всех цветную сладкую пасту, растягивал ее, как резиновую колбасу, хлопал о доску, паста блестела, отливала стеклярусом, свисала с прилавка почти до земли; в посудной лавчонке на полках стояли в ряд пестрые фигурки святых, чернильницы капель на пять чернил, перечницы, которые ни за что не хотели стоять прямо, разукрашенные французскими лилиями кошки с светло-зелеными глазами и с кругло раскрытым ртом, куда вставлялись цветочки; лари с океанскими раковинами, по краям оборочки, внутри райский блеск, – ни в одной квартире никуда такую раковину не приткнешь, а гвозди ею заколачивать нельзя, очень хрупка...

Мальчишки и девочки и, стыдно сказать, даже взрослые с трубками и без трубок сновали мимо, останавливались у прилавков и при свете вечерних ламп часами любовались пестрым хламом. Покупали редко, потому что с гигантской раковиной или с фаянсовой кошкой очень неудобно гулять.

Вдали у пляжа сверкала, вся в драконах и фонариках, вывеска китайского тира. Пожалуйте! Каждый опытный стрелок, хлопнув из детского ружья, мог получить в виде приза на выбор любую бесполезную вещь: жестяную пудреницу величиной с кастрюлю, или круглый бумажный фонарик, или

пепельницу-русалку с селедочным хвостом и золотым бантиком на животе.

На тихом канале скрипели-покачивались стройные бездельницы яхты и грузные рыбацьи парусные лодки. Луна из-за жемчужно-палево-кудряво-дымчато-пухлых (ох, какое длинное прилагательное!) тучек жеманно посматривала на уснувшую воду, на извивавшуюся вдоль ларьков плотную толпу зевак, на острые кровли рыбацких домишек и вилл, похожих на спичечные коробки, поставленные на ребро... На темном мосту отчаянно ревел заблудившийся автомобиль. В центре набережной из раскрытого окна «Медного Якоря» ложился на панель сноп желтого света, доносилось густое гудение рыбаков, обрывки песен, визг хозяйской собаки, которой в этот вечер уже седьмой раз наступали на лапы. В углу под пивным плакатом (огромной красной рожей, высасывающей пивную кружку) сидел старик рыбак, постукивал трубкой по столу и, наклоняясь поочередно к ушам недоверчивых приятелей, рассказывал совершенно невероятные вещи:

– Видел... Своими глазами. Вот как хозяйку вижу, с руками, с плечами, с бантиком... У самого перевоза сидел на мачте на лодке моего племянника и, когда я протер глаза и остановился, бросил в меня... биноклем.

– Ой ли?! Уж это вы, папа Жюль, хватили! – перебил старика лохматый рыбак, размазывая по столику картофельные крошки. – Черт с биноклем! Пожалуй, скажете, что он и столовыми часами на вас замахнулся?.. А не вылез ли ваш черт,

папа Жюль, из бутылки рома? Бывает ведь, а?

Приятели засмеялись: га-га-га! Пустые стаканы на соседнем столике отозвались и дребезжали.

Папа Жюль хлопнул увесистой ладонью по краю стола, побагровел, запыхтел и полез в широкий карман.

– Вот лангуст это или бинокль, черт вас побери?.. Бинокль! Сам я его в себя с мачты бросил, что ли? Что же ты о роме толкуешь? Рома я выпил на своем веку больше, чем ты молока, однако никогда чертей в глаза не видал... Да и сегодня в рот я капли не брал, только здесь с вами рюмку-другую можжевелевой водки выпил. Что?

Рыбаки изумленно и осторожно передавали из рук в руки бинокль. Маленький, дамский бинокль, сиреневая эмаль, золоченый ободок... Уж совсем для черта неподходящий фасон. Ему бы в старинную подзорную трубку, обтянутую тюленьей кожей, смотреть... И что за черт такой? Никогда их в курорте не водилось, никогда по мачтам не лазали... Не врет ли папа Жюль, не ворону ли на мачте за черта принял? Нет, не врет, не такой человек. И ошибиться не мог: ворона дамскими биноклями не швыряется, да и глаза у старика зоркие, в безлунную ночь муху на мачте увидит.

Папа Жюль самодовольно спрятал бинокль в карман.

– Да. И что же вы думаете?.. Камзол на нем желтый, луна из-за туч выплыла, ясно я разглядел. Хвост под мышку, как шпагу, сунул. На голове картузик жокейский... Покачался он, пес нечистый, на мачте, встал потом во весь рост да как

сиганет с мачты на сухое дерево, что у ограды «Жемчужной Раковины» стоит!.. И исчез. Тьфу! Пойду к племяннику, скажу. Не нравится мне это – лодка опоганена, как бы чего не вышло.

Папа Жюль раскурил трубку, надвинул на глаза синий картуз и встал. Приятели молчали. Что тут скажешь? В окно долетел с ветром гнусавый и переливчатый плясовой мотив – за мостом в танцклассе плясали.

Вдали надрывалась собачонка, подвизгивала, захлебывалась, выбивалась из сил. Почему? Неизвестно. Стояла под сухим деревом у ограды «Жемчужной Раковины», задрав остроносую морду кверху, скребла передними лапами по коре и лаяла, и лаяла, и лаяла...

VI. Черная лапа

Поздно вечером девчонка-судомойка вытерла последнюю тарелку и, козлом приплясывая по кухне, стащила с себя грубый полосатый фартук. Втащила в кухню стоявшую у порога плетушку с сосновыми шишками – очень их повар обожал (лучшие растопки в мире!), заперла на задвижку выходящую в темный парк дверь. Как всегда, щелкнула выключателем сначала не в ту сторону, в которую нужно, потом уж как следует, взяла свои оставшиеся от обеда толстые сэндвичи и медленно стала подниматься по черной лестнице, напевая свою любимую песенку:

Когда я вырасту, я куплю «Жемчужную Раковину»!
Хозяйка будет судомойкой и будет бить тарелки,
А я буду хозяйкой и буду ее бить...

Пела тихонько, потому что однажды хозяйка услышала и так щелкнула ее в нос, что потом в голове целый час будильник звенел.

Подымалась, подымалась, и с каждой ступенькой свет все убывал, тонул под ногами. На верхней площадке перегорела лампочка, хозяйка ради экономии новой не давала. Судомойка дорогу в свою мансардную комнатилку наизусть знала, каждый день ее вытирала боками не один раз.

Ничуть не боялась, вытянула вперед руку и заскользила большим пальцем по замасленной стене: третья дверь справа, на ручке веревочка намотана, чтоб не ошибиться.

Ничуть не боялась, пока невзначай не вспомнила (темнота, должно быть, подсказала и качающаяся черная ветка в чердачном окне), пока не вспомнила про утреннюю диковинную историю в столовой...

Остановилась бедняжка. Перевела дух. И на горе свое, еще вспомнила, как вернувшийся из «Медного Якоря» повар рассказывал, будто тамошняя служанка рассказывала, что старый рыбак при ней рассказывал... Ух! Будто... черт сидел на молу на сигнальной мачте, курил трубку, играл на контрабасе и ругался по-испански... И будто у него из мешка за спиной выглядывала судомойка из «Прибоя»... Ух!

Куда же это дверь с веревочкой пропала? Почему до сих пор наверху никого нет, ни горничной, ни... Ай! Кто в чердачное окно заглядывает?!

Она бросилась в одну сторону: стенка. В другую, в третью: стенка... Никогда столько стенок не было! Села с размаху на пол и пришла в себя – под ней в заднем кармане хрустнул коробок с серными спичками. Судомойка чиркнула о пол, зашипел голубой огонек, вспыхнул веселый желтый язычок, и сердцу сразу легче стало...

Стены как стены. В чердачное окно кошка морду высунула, о раму трется. «Кис-кис, иди сюда, душечка!» А третья дверь с веревочкой перед носом. Все на своем месте...

Девчонка, обжигая догоравшей спичкой пальцы, бросилась в свою комнатилку, быстро достала из-под плоской подушки огарок... Не успела зажечь, ух! Опять страшно стало. Вторая спичка сломалась, третья выскользнула из похолодевших пальцев... Наконец-то зажгла четвертую о дрожащую подметку, огарок засветился, светлые лучики побежали по комнате...

Чепуха какая, в самом деле! Повар это нарочно выдумал про судомойку в мешке. Знает она судомойку из «Прибоя», не очень-то такую в мешок сунешь. Большая, тяжелая, храбрая... Крик бы подняла на весь курорт. И потом у сигнальной мачты – электрический фонарь. Светло, как в танцклассе. Народу на молу вечером пропасть. Сейчас бы позвали сержанта, черта бы арестовали и выслали из курорта. А если б он с мачты не захотел слезать, прибежала бы из китайского бара публика и в черта дробинками – бах, бах! – пока бы он с мачты не скувырнулся... Понесли бы его в аптеку, перевязали и...

Глупости. Черти только в сказках бывают. Бритву и кисточку у постояльца обыкновенный жулик украл. Влез по платану, видит – открытое окно. Что бы такое украсть? Да вон кисточка на столе, она франка два стоит. И украл! Удерет на пароходе в Марсель, там продаст. А мишку у соседней девочки чайка могла унести. Пролетала над балконом, видит, неизвестная рыба (почем она знала, что это мишка?)... Цап мишку за подмышку и унесла. Очень просто... Хорошо,

а в столовой кто наскандалил? Сажай кто белую скатерть перепачкал? Должно быть, курица, которая живет у угольщика. Она часто забирается в парк, угольщик ее, пожалуй, только по воскресеньям кормит. Вошла она в столовую, смотрит, на столе в корзиночках хлеб... Ага, хлеб! Вскочила на стол и...

Так судомойка, сидя на краю постели у раскрытого оконца, сама себя успокоила.

Огарок горел ровно и ясно. Ветер весь день по кустам кувыркался, а теперь к ночи устал и утомился. Пароход вдаль показался с ленточкой янтарных огоньков вдоль борта. Кошка вскочила на постель и ткнула под локоть судомойку: «Дай кусочек сэндвича... О чем размечталась?»

И представьте себе... Сэндвичи лежат на окошке. С колбасой, с сыром, с вареньем. И тихонько-тихонько высовывается из-за окна черная лапа, схватывает сэндвич (с вареньем!) и исчезает...

Если бы устроить состязание паровозных свистков во всей Европе, судомойка из «Жемчужной Раковины», наверно, получила бы первый приз. Боже мой, как она взвизгнула!

Налетела на огарок, огарок хлопнулся о пол и погас, налетела на кошку, взвизгнули обе сразу так, что у курившегося внизу на веранде шведа пенсне слетело... Чудом, тыча перед собой руками, добралась до лестницы и, крича, визжа, плача и охая, будто за ней целая дюжина чертей с мешками гналась, галопом скатилась с лестницы вниз, переполошила всех жильцов, хозяйку, соседей...

Бухгалтер, в ночном белье, завернувшийся впопыхах в одеяло и поэтому немножко похожий на римского сенатора, выступил вперед, усадил судомойку в углу веранды на кадку с пальмой и, как самый храбрый мужчина в пансионе, решительно приступил к допросу:

– Опять? Что такое? Выпей воды и не бойся. У меня наверху в чемодане браунинг, и я никому, даже черту, не позволю нарушать по ночам наш покой. Рассказывай.

– Сандвич... – сказала девчонка, трясясь на кадке. – Сандвич...

Больше от нее ничего не удалось узнать.

VII. Черт в чепчике

Лавочница прислушалась: опять океан зашлепал. Листья на темном каштане перед дверью забормотали спросонья быстро-быстро и опять успокоились. Пора бы спать, давно пора, да надо было дневную выручку подсчитать, мух из стеклянной мухоловки выплеснуть вместе с мыльной водой в палисадник, повесить в мышеловку кусочек колбасы, гири по росту расставить, ставни закрыть... Дела много.

Смахнула лавочница гусиным крылышком пыль и крошки с прилавка и усмехнулась. Глупости какие сегодня в лавке болтали! Пятнадцать лет она в курорте торгует, никогда о таких делах не слыхала...

Горничная из «Жемчужной Раковины» днем прибежала за горчицей, рассказывала, что у них в пансионе бухгалтер-факир поселился. Утром черт его брить явился, одну щеку выбрил, другую не захотел... В цене, видно, не сошлись. И черт будто рассердился, унес у бухгалтера бритву, подтяжки и правую туфлю.

А после прачка приходила, пансионскую скатерть показывала. Пятна такие странные – страус не страус, пес не пес. Не то сажа, не то чернила, не то деготь...

И знакомый почтальон из местечка за мостом прикатил, соскочил с велосипеда у лавки, коробочку спичек купил и шепотом признался, что, когда он за углом из ящика вечер-

нюю почту вынимал, а велосипед, как всегда, к телеграфному столбу прислонил, стряслась с ним такая оказия, что хоть не рассказывай... Однако рассказал. Наклонился он к ящику, слышит, кто-то за велосипедный звонок дернул: дзынь! Обернулся, подумал, что мальчуган какой-нибудь пошалил, и видит... Что на седле сидит... черт не черт, а очень похоже... Темновато было, да и со страху глаза на лоб полезли. Почтальон вскрикнул, черт испугался – и с седла на забор, с забора в сад... Велосипед наземь брякнулся, фонарь разбился, а на правой педали крокетный молоток лежит.

Лавочница отлично помнит: почтальон был трезв, как бутылка из-под «виши». Совсем трезв. Никогда он раньше чертей не видел, должность у него солидная, обстоятельная, не то что какой-нибудь клоун из цирка или приехавший недавно на гастроли в курорт собачий парикмахер. Что же за история такая? Она зевнула и покачала круглой головой. Черт или не черт, а спать все-таки надо. Заперла ставни, дверь, сунула в рот чернослиvinу и, ковыляя, как кенгуру, – совсем ноги за день отсидела, – отправилась в комнатку за лавкой спать.

Окно, выходившее в глухой и темный переулочек, было раскрыто – сквозь толстую решетку ведь никто не влезет. Вспыхнула в потолке электрическая груша. Мышь пробежала от порога под комод. Лавочница топнула на нее ногой: прочь, прочь, ступай в лавку... там для тебя мышеловка поставлена. Но мышь не послушалась. Лавочница, кряхтя, в

три приема опустила на колени. Долго шарила метлой под комодом, – мышь давным-давно уж вдоль карниза пробежала, забила под угловой шкаф и стала там усы расправлять, умываться, прихорашиваться, для кого и зачем, неизвестно.

А лавочница еще долго, растянувшись на полу, грохотала метлой под комодом, пока не выбилась из сил. В три приема встала, вытерла красное лицо полотенцем, пошла за ширму раздеваться... и...

Бедная мышь, как она испугалась! Ширма рухнула на пол, хозяйка рухнула на пол, стакан с водой, стоявший на ночном столике, полетел на пол... И опять все смолкло. Только стучали-тикали старинные часы на стене да отчаянно колотилось мышьиное сердце.

Мышь осторожно высунула из-под шкафчика рыльце. На стене закачалась чья-то темная тень, шагнула от спинки кровати на спинку кресла, оттуда к оконной решетке и исчезла. Кот? Совсем не кот... Запах другой, ростом больше, и на голове... шляпа не шляпа. Бог знает что!

А вода из упавшего стакана медленно по чуть покатою половине подплыла к голове лавочницы, смочила затылок. Ночная свежесть подула из окна в лицо. Лавочница открыла глаза, села. Что это с ней такое? Почему она сидит на полу? Почему ширма лежит у нее на ногах?

И вспомнила: когда она ступила за ширму и повернула голову к постели... под одеялом в ее ночном чепчике лежал...

черт и грыз ее зубную щетку...

Но ведь на постели никого нет! Почудилось ей после всех этих глупых рассказов. Конечно, почудилось. Она подняла ширму, смела в угол осколки стакана и подошла к изголовью постели.

Ай!.. На подушке лежал полусъеденный сэндвич, край подушки был весь выпачкан вареньем, и на смятой простыне чернели темные пятна.

Лавочница опроретью бросилась к двери, перебежала через улицу и стала отчаянно колотить в ставню к прачке. Слава богу, сквозь щели еще светился огонь!

Отворите, пожалуйста... Умоляю вас, отворите...

VIII. Представление на сосне

Утром на пляже, как всегда, копошились дети, слонялись взрослые, мчались галопом собаки, совали мимоходом носы в чужие купальные будки, взвизгивали и мчались дальше...

Кое-где в будках говорили о странных ночных делах: о лавочнице, которая как была в папильотках, так и прилетела к прачке, выпила два графина воды и до петухов все туалетный уксус нюхала; о девочке-судомойке, которая перед всеми пансионерами поклялась, будто на черной лапе, показавшейся в окне, был надет браслет из собачьих глаз; говорили о почтальоне, который...

Впрочем, о почтальоне ничего не успели сказать, потому что на чей-то пронзительный крик у ограды «Жемчужной Раковины» со всех сторон помчались дети, за ними собаки, зверски разрушая по дороге детские песчаные замки, крепости и торты (где уж там разбирать!)... За собаками взрослые – из будок – сухие и полусухие, из воды – совсем мокрые, – бежали, переваливались, кричали... Те, что поотстали, еще не знали, в чем дело, но волновались не меньше других. Наконец огромным тесным полукругом, в полосатых и гладких купальных костюмах, в мохнатых попугайских халатах, – а один близорукий купальщик примчался в дамском балахоне, – сгрудились перед решеткой «Жемчужной Раковины» и все – дети, собаки, взрослые – задрали головы квер-

ху.

На обглоданной океанским ветром высокой сосне сидела пресимпатичная зверюга, молодой шимпанзе в желтой бархатной жилетке и в презабавном ночном чепчике. На широкой ветке рядом распластался еще какой-то шоколадного цвета зверек, но никто не мог рассмотреть как следует, что это за штука такая...

Обезьяна хладнокровно посматривала вниз. Шумят? Волнуются? А вот пусть поуспокоятся, тогда она и покажет им все свои номера.

И вот, когда охрипшие собаки перестали лаять и захлебываться, когда люди перестали ахать и показывать пальцами на верхушку сосны, шимпанзе встал во весь рост на вытянувшуюся широкую сосновую лапу – и раскланялся. Сдернул с головы ночной чепчик, помахал им во все стороны и разжал пальцы. Чепчик, кружась и цепляясь за корявые ветки, полетел вниз.

– Мой чепчик! – ахнула прибежавшая на шум лавочница. Подхватила свой чепчик и покачала головой: весь в саже.

Шимпанзе нагнул, схватил лежавшего на ветке зверька и подбросил его в воздух. Зверек перевернулся несколько раз и – хлопс! – попал обезьяне прямо в лапы.

– Мой мишка! – завизжала внизу под сосной маленькая девочка. Она вытянула смешные пухлые ручки кверху и захлопала в ладоши... Ее мама тоже захлопала, и все столпившиеся перед решеткой купальщики, все выбежавшие из

«Жемчужной Раковины» пансионеры и прислуга оглушительно закричали:

– Браво! Бис, бис, бис!

А судомойка подпрыгнула, выскочила из своих сабо, побежала в одних чулках на кухню, прилетела с огромным сэндвичем, наткнула его на метлу и протянула обезьяне...

– Миленькая! Я думала, что ты... черт!..

Но шимпанзе не соблазнился сэндвичем. Он любил честно выполнять всю программу до конца, а потом уже угощаться.

Трапеции на сосне не было. Гимнастических колец тоже. Обезьяна вынула из полосатого мешочка, который висел у нее через плечо (где-нибудь стащила!), несколько картофелин. Прилегла к ветке, нацелилась; хлоп! Картошка попала в переносицу старой собаке, которая, оскалив зубы, рычала под деревом на обезьяну. Вторая картошка угодила в визжавшего у подъезда фокса. Третья попала в примчавшегося с пляжа запоздавшего бульдога...

– Довольно, довольно! – закричали внизу хозяйки собак. – Разбойница! Не позволяйте ей, не позволяйте...

Обезьяна поняла, что этот номер не всем нравится. Раскланялась, надела на голову мешок и, растопырив лапы, осторожно прошлась взад и вперед по толстой ветке.

У перевоза как бешеные запрыгали из лодки пассажиры и вскачь пустились к решетке смотреть на диковинное представление. Рыбаки, разматывавшие вдоль канала коричне-

вые сети, старичок таможенный, коротконогий полицейский сержант, служанки, возвращавшиеся с набережной со свежими сардинами, бойскауты, рассматривавшие английские яхты, – все спешили к старой сосне. Покупатели в далеких киосках бросали покупки на прилавки и мчались, высоко взбрасывая ноги, к перевозу... Успех был полный, оглушительный: никогда еще ни одна курортная певица, ни один курортный фокусник такого успеха не имели.

Прилетел, волоча по песку раздвинувшийся треножник, курортный фотограф. Щелкнул раз, щелкнул другой, все пластинки перещелкал. Обезьянье представление на сосне... Кто такую штуку не купит?

А шимпанзе разошелся: задом наперед проковылял на руках вдоль ветки, держа в зубах шоколадного цвета плюшевого мишку, дошел до конца ветки и, вальсируя, закружился волчком на одном месте...

Бухгалтер даже подпрыгнул от удовольствия и с гордостью посмотрел на окружающих, точно шимпанзе был его родной сын.

– Чудесно! Изумительно! Я бы хотел только знать, куда этот плут затащил мою кисточку для бритья?..

– С черепаховой ножкой? – лукаво спросила стоявшая рядом дама. Та самая дама, у дочки которой обезьяна похитила мишку.

– О, сударыня! Вы ее нашли?! Неужели?.. Но как...

Он не успел спросить, дама не успела ответить, потому что

примчавшийся на велосипеде почтальон еще издали замахал над головой фуражкой:

– Это он! Это он! Ей-богу, это он!

– Кто он?

– Черт! Что вы на меня уставились?

Почтальон знал, о чем он говорил...

– Черт! Конечно же, это он. Сегодня у цирка за мостом объявление наклеено: *«Сбежала дрессированная обезьяна-шимпанзе. Кличка Черт. Нашедшему сто франков награды...»*

Вокруг так и покатались со смеха. Да ее весь курорт нашел!.. Раздели-ка сто франков на всех, попробуй!

А Черт-шимпанзе, утерев лапой мокрый лоб, вежливо раскланивался и посылал сверху во все стороны воздушные поцелуи: антракт.

IX. Черт возвращается в цирк

Из пансиона позвонили по телефону в мясную лавку, которая торговала за мостом рядом с цирком.

– Алло? Кто говорит?

– Повар «Жемчужной Раковины».

– К вашим услугам, сударь. Прикажете прислать на завтра телячьих котлет или молодого барашка?

– Ни молодого, ни пожилого. Передайте хозяину цирка, что Черт нашелся...

– Кто?!

– Черт. Обезьяна его ученая. Только что дала у нас на дереве бесплатное представление, а теперь ловит блох, отдыхает.

Через четверть часа к решетке подкатил старый автомобиль: гуп-гуп!. Собаки и люди раздались и сомкнулись вокруг машины. Хозяин цирка, толстый и короткий малый, с шеей, похожей на рыжий окорок, быстро соскочил наземь. За ним спрыгнул цирковой пудель Блэк, старый друг Черта, задрал голову и тьякнул:

– Черт! Что в самом деле за штуки? Вчера из-за тебя я должен был все свои номера повторять, чтобы растянуть программу. Тяф! Свинство!

Шимпанзе наверху жалобно пискнул:

– Извини, Блэк... Я только на полчаса удрал. А потом

увлекся, загулял... Квик!

Люди, конечно, ничего из этого разговора не поняли.

Хозяин цирка постучал рукоятью бича о сосну.

– Эй ты, бродяга! Слезай, что ли. Ничего тебе не будет... Ну? Живо... Свой цирк здесь открыл? погоди ты у меня!

Шимпанзе запрыгал на ветке и недоверчиво покосился вниз. Ничего не будет? А вдруг – будет!

– Слышишь? Сейчас же слезай!.. Блэк, позови его. Кому я говорю, Блэк?

Блэк нерешительно твякнул раз-другой. Судя по тону хозяйского голоса, Черт свою порцию получит... Зачем же Блэк будет его коварно сманивать вниз...

Черт снова запрыгал, подбрасывал задние лапы. Потеря мордой о ветку. Попадет на орехи! Попадет...

Невзначай задел лапой лежавшего за спиной мишку, мишка полетел вниз... Этого бедняга шимпанзе не мог перенести! Мишку он за эти сутки полюбил, как родного племянника. Пусть уж попадет, а он с ним не разлучится.

Ворча и попискивая, полез он, вертя головой, с сосны. Чем ниже, тем страшнее... Лезет и сам себе жалуется:

– Зачем убегал? Разве плохо тебя, Черта, кормили? Тут тебе, брат, не Конго! Никуда не удерешь... Только зря в камине перемазался. Чепчик уронил, мишку уронил, хозяина рассердил. Плохи, господин Черт, твои делишки!

А бухгалтер из «Жемчужной Раковины» взглянул на все медленнее спускавшегося Черта, на сердитого хозяина, по-

дошел ближе и сказал:

– Вы что же, будете наказывать вашу обезьяну?

– Как же, сударь! Убытки от нее какие: вчера в представлении не участвовала. Да здесь, говорят, графин в пансионе разбила, скатерть перемазала... Платить ведь за все мне придется. Бог ее знает, какие еще проделки за ней обнаружатся...

– Ну, зверь пошалил немного, о чем говорить. Да вы знаете, что вы вашего Черта не наказывать должны, а ящик фиников ему в награду купить! Рекламу какую он вам сделал! А? Вы его только на афишах покрупнее изобразите да по курорту расклейте, – места в вашем цирке не хватит! Ведь все же на него смотреть придут...

– Правда, правда! – запищали и загудели вокруг дети и взрослые. А Блэк весело залаял, посмотрел на дожидавшегося у последней ветки шимпанзе и дружелюбно лизнул бухгалтера в жилет.

– Для начала, – сказал бухгалтер и вынул свою визитную карточку, – запишите за мной ложу на вечернее представление. Сегодня жена с сыном приедут, вот и мы пойдем на вашего Черта смотреть...

За бухгалтером потянулись и другие... В самом деле, великолепная обезьяна!

Хозяин цирка сообразил, что наказывать Черта несправедливо. Он ласково, по-особому свистнул, и Черт быстро-быстро слез, спрыгнул на землю, влез в автомобиль и

плотно уселся с мишкой на руках.

– Чей медведь? – спросил хозяин.

Дама с девочкой посоветовались и позволили Черту оставить у себя мишку, только взяли с хозяина слово, что он наказывать Черта не будет.

А хозяйке «Жемчужной Раковины» и лавочнице цирковой толстяк предложил по почетному даровому билету на три представления. Так все неприятности, как тучки в небе, исчезли с горизонта.

Гуп! Гу-гуп! Автомобиль заревел и рванулся с места. Черт вежливо обернулся и послал всем – мулу на дороге, детям, обалдевшим от всей этой истории, собакам и всей толпе – размашистый, сочный воздушный поцелуй...

– У кого пропал бинокль? У кого вчера пропал бинокль? – сказал вдруг, выйдя из толпы, старый рыбак, постоянный посетитель «Медного Якоря».

– Сиреневый, маленький, с золотым ободком? – спросила, улыбаясь, жившая рядом с «Жемчужной Раковиной» маленькая старушка художница.

– Да, сударыня. Извольте получить...

– Ах, боже мой! Так это шимпанзе, значит, вчера из гаммака мою сумочку с биноклем унес... Сердечно вас благодарю!

И подумала: «Непременно надо будет сегодня вечером в цирк пойти, очень уж забавная обезьяна».

Видите, хоть и старушка, а тоже соблазнилась. Про детей же и говорить нечего: не было в курорте ни одного малыша,

который не обещал бы хорошо себя вести до вечера, если его вечером в цирк возьмут на бенефис Черта.